
Л.Н. Виноградова

**ЧЕЛОВЕК В РОЛИ ОБРАЗЦОВОГО СЕМЬЯНИНА
(ПО ДАННЫМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПРИЧИТАНИЙ)**

В народной аксиологии славян (и других народов мира) одно из центральных мест занимают такие базовые ценности, как семья и кровнородственные связи человека. Языковые и фольклорно-этнографические формы выражения этих категорий различны в разных вербальных жанрах традиционной культуры. Например, в благопожеланиях, включенных в календарные обходные ритуалы, абсолютно преобладающими оказываются мотивы хозяйственного благополучия (обильный урожай, приумножение домашнего скота, удоимость коров, медоносность пчел, заполнение добром амбаров и закромов и т. п.), а семейная тематика присутствует лишь в заключительных обобщенных пожеланиях здоровья, долголетия, рождения детей, мира в семье и т. п. Причем мотив деторождения, не образуя самостоятельных развернутых поэтических формул, часто включается в традиционные клише о приплоде молодняка в хозяйстве: «У хозяйина в дому велись бы ребятки, велись бы телятки, велись бы ягнятки, велись бы жеребятки!» (ПКП 1970: 54). Несколько больше внимания уделяется семейным темам в свадебных и крестильных приговорах, но и они чаще всего совмещаются с типовыми общехозяйственными пожеланиями о приумножении благ; см. подробнее: (Агапкина, Виноградова 1994: 186–201).

Иначе обстоит дело с семейной тематикой в формулах славянских проклятий, где к числу самых страшных для проклинаемого человека относятся угрозы потерять наиболее дорогих и любимых членов семьи; быть несчастным в браке; остаться бездетным или вообще не иметь супруга; дожить до полного вырождения родового колена и т. п. Как худшая из всех форм Божьего наказания изображается в проклятиях окончательный распад семейных связей, потеря детей, одиночество в пустом доме, забвение родных могил, а мотив хозяйственных бедствий отходит в злопожеланиях на второй и третий план (Виноградова 2012: 29–34).

Подобная расстановка приоритетов в этих двух жанрах — когда на первое место выдвигаются либо ценности имущественного характера (как в благопожеланиях), либо базовые категории человеческого бытия, а именно сохранение жизни и здоровья, а также семейное благополучие и многодетность (как в проклятиях), — может быть связана с принципиально различающейся прагматикой обоих жанров. В обстановке праздничной обрядности и миролюбивых добрососедских контактов (т. е. в благопожеланиях) важно было обеспечить себе — средствами вербальной магии — материальный достаток и социальную стабильность. Тогда как в условиях острого конфликта, вражды, агрессии (т. е. в сфере бытования проклятий) на первый план выступают более важные жизненные ценности, связанные с необходимостью физического выживания, сохранения потомства и семейно-родовых связей.

Тема семейных отношений является ключевой для многих свадебных песен, в которых изображается предстоящий для невесты драматический разрыв со своим родом и переход в чужую семью, где вместо отца родного у нее будет «лютый» свекор, вместо матери — «лихая» свекровь, вместо брата — деверь, вместо сестры — золовка и т. п. См., например: (Толстая 2009: 148–158).

Однако для понимания того, как выстраиваются в традиционной культуре повседневные семейные отношения и какова их аксиологическая значимость, наиболее информативным оказывается жанр похоронных причитаний, поскольку именно в плачах по умершим родственникам отражаются многообразные бытовые, социально-экономические, психологические, народно-правовые аспекты семейно-родственных связей. По словам К.В. Чистова, причитания, будучи замечательными в поэтическом отношении, вместе с тем «уникальны как исторические документы, помогающие проникнуть в самые сокровенные слои и уголки семейной жизни крестьян» (Чистов 1997: 433). Кроме такой содержательной специфики (семейная сфера), причитания характеризуются как тексты с четко обозначенной адресатной направленностью: оплакивание посвящается конкретному сородичу, что позволяет составить представление о его месте и роли в структуре малой семьи, большой семьи и других разноуровневых родовых групп. Наконец, принципиально важной особенностью жанра, как известно, является обязательное ритуальное восхваление, прославление или величание умершего — и это служит надежной основой для реконструкции традиционных представлений о достоинствах *о б р а з ц о в о г о с е м ь я н и н а*. Хотя причитания считаются жанром реалистическим, отражающим некие биографические события из жизни покойника, тем не менее при описании его прожитой жизни принято было воспроизводить не столько индивидуальные свойства конкретного человека, сколько эталонные позитивные черты

характера, которыми должен обладать типичный образцовый член семейно-родового сообщества.

Таким образом, при попытках создать ролевые портреты «идеальной матери/жены», «идеального отца/мужа» (и других родственников) — как это понимается в системе ценностей крестьянской культуры — невозможно обойтись без такого источника, как похоронные причитания.

Целью настоящего исследования является реконструкция набора стандартных позитивных качеств, характерных для каждого субъекта родственных связей: для отца, матери, сына, дочери, сестры, брата и т. п. Основными его источниками служат русские, украинские и белорусские похоронные причитания (всего использовано около двух тысяч текстов). Основная задача статьи — раскрыть присущую причитаниям систему семейных приоритетов и ценностей, а также рассмотреть, в каких художественных формах эти ценности описываются. В списке привлеченных для анализа русских причитаний преобладают севернорусские записи: олонечкие (Барсов 1997), вологодские (Ефименкова 1980), костромские (Смирнов 1920), а кроме того, используются общерусские (Шейн 1990) и смоленские данные (СМЭС 2003); плачевая традиция белорусов отражена в сборнике белорусских причитаний (ППГ 1986); украинская — в новейшем полном собрании, содержащем более тысячи текстов (Голосіння 2012).

Жанровые особенности причитаний

В издательской практике причитания обычно группируются по адресатам оплакивания. Это связано с одним из главных жанровых признаков этих текстов — с их четкой персональной ориентированностью. В известном собрании украинских причитаний Иллариона Свенцицкого (1912 г.) представлено более двадцати таких разделов плачей по адресатам: «I. За дітьми малими; II. За малою дочкою; III. За дорослою дочкою; IV. За малим сином; V. За дорослим сином; VI. Вдовиця за мужем; VII. Вдовець по жінці; VIII. Сироти за матір'ю; IX. Сироти за батьком; X. За сестрою; XI. За братом; XII. За бабою; XIII. За дідом; XIV. За тіткою; XV. За вуйком; XVI. За ятрівкою; XVII. За дівчиною-товаришкою; XVIII. За кумою; XIX. За сусідою; XX. Парубок за дівчиною; XXI. Дівчина за парубком» (Голосіння 2012: 14). И в этом списке не учтены еще бытующие у восточных славян типы плачей по внукам, по свекру или свекрови, по двоюродным братьям и сестрам, по свойственникам, по крестным родителям. Для большинства разновидностей персональных причитаний существуют свои традиционные композиционно-тематические модели, с помощью которых воспроизводится образ оплакиваемого персонажа. Но кроме того, поскольку каждый человек совмещает в себе разные ролевые семейные функции (мужчина

может быть одновременно мужем, отцом, братом, дядей, племянником и т. п.), приходится учитывать, что одного и того же умершего родственника могут по-разному характеризовать в своих плачах мать, сестра, дочь, племянница. Такие многовекторные личностные характеристики позволяют выяснить отношение к умершему человеку разных членов семьи, раскрыть сложные связи между близкими и дальними родственниками. Соответственно они создают основу для изучения структуры внутрисемейных бытовых и хозяйственных обязанностей.

Еще одной особенностью рассматриваемого жанра является женская сфера исполнения, мужские плачи у восточных славян — большая редкость. Это значит, что в оценке происходящего, изложенной в большинстве причитаний, преобладает женская точка зрения, хотя нередко плакальщицы выступали и от имени молчаливо присутствующих скорбящих мужей, отцов, сыновей, братьев, формулируя их предполагаемые горестные чувства. Как бы то ни было, во всех восточнославянских традициях известно множество вариантов плачей по мужу и практически отсутствуют плачи по жене.

Во вступительной части статьи уже упоминалось о такой важной особенности жанра причитаний, как обязательное, ритуальное восхваление умершего. Безоговорочно признавая это очевидное условие ритуала оплакивания, некоторые исследователи избегают использовать термин «величание» (Микитенко 2010: 43) — и это вполне объяснимо. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» высказывается мнение, что «для похоронных причитаний величание в прямом смысле несвойственно, но в них могут быть отмечены элементы восхваления и некоторая идеализация умершего: о нем говорят только хорошее, его хвалят за бывшее трудолюбие, заботливость и преданность семье» (Агапкина 1995: 307). Думаю, что это в целом правильная дефиниция: термин *величание* — это не вполне точное слово, которым можно обозначить обычай давать позитивную (и часто преувеличенную) оценку достоинств умершего. Ритуал величания, исполняемый, как правило, в праздничной обстановке, направлен на прославление тех или иных членов социума и связан с общей установкой на закрепление более значимого, чем прежде, социального статуса величаемых лиц. А функция восхваления умершего имеет принципиально иные задачи, одна из которых — умиловливание и задабривание душ умерших ради того, чтобы обеспечить себе благорасположение предков по отношению к живым родственникам. Такой взаимный обмен ценностями, когда живые воздают почести умершим, а от них ждут обеспечения семейного и хозяйственного благополучия сородичей на этом свете, — прямо формулируется в некоторых текстах причитаний; ср., например: рус. смолен. «... Прошшай а ты, моя мамочка дорогая, Пособь жа ты мне со всего свету, моя ж ты

дорогая мамочка, приди ты ко мне, хоть трошку ты мне помоги» (СМЭС 2003/2: 265); белор. «Ох, татка ж мой, вінаградка, да цябе ж [я] вельмі ж да прасіла, да штоб вы мне адтуль да прыялі, да штоб я ж пагадала сваіх дзяцей-сіротак» (ППГ 1986: 221); «Да папрыяй нам, цётхуна, можа, мы пасля тваёй смертанькі будзем здаравейшыя» (Там же: 416); «Прыяй мне з таго свету, і сваім сестрам, і сваім братам...» (Сысоў 1995: 91); укр. полес. «Як нам, мамочко, без тебя жити, да попрягай нам с того свету, щоб нам, мамко, добрей было» (Голосіння 2012: 402).

Появление в практике исполнительства конца XIX – начала XX вв. пародийных или корильных причитаний, обличающих пороки умершего, безусловно, свидетельствует о процессе разрушения жанра, поскольку исконное правило требовало говорить о покойнике либо хорошо, либо вовсе ничего. В своих работах о славяно-балканских причитаниях О.О. Микитенко отмечает определенную степень условности в использовании термина *величание* (она предпочитает формулировку: *глорификация нябожчика*), так как чаще всего ритуальное восхваление осуществляется лишь за счет введения эмоциональноокрашенной лексики («золотой», «сладкий», «ненаглядный», «хороший») и сожалений, что некому теперь выполнять тяжелую хозяйственную работу, — что само по себе может служить косвенной похвалой в адрес умершего как хорошего работника (Микитенко 2010: 43, 80, 205).

Вместе с тем, в некоторых (довольно редких) случаях такие выражения, как «величать» или «причитать для похвалы» встречаются в самих плачах; ср. причитание сестры по брату: «[Буду] воскликать да тут братца мне родимого, взвеличать да соколочка златокрылого» (Барсов 1997/1: 87).

Особенности языка и художественно-поэтической стилистики причитаний.

Для того чтобы определить, какие именно устойчивые структурно-тематические блоки в составе причитаний оказываются наиболее информативными и значимыми для реконструкции типажа образцового семьянина, необходимо учитывать ряд специфических особенностей фольклорно-поэтической системы этого жанра. Одна из них — минимальная степень нарративной стилистики и отсутствие пространственных описаний каких-либо событий при явном преобладании в структуре текста коммуникативно маркированных речевых стереотипов: обращений, призывов, укоров, восклицаний, просьб, вопросительных и императивных конструкций, адресованных как умершему, так и присутствующим на похоронах участникам обряда. Условная сюжетность плача определяется, как было отмечено К.В. Чистовым, двухчастной структурой в изображении происходящего по принципу резкого контраста того, что

было «до» момента смерти, и того, как все изменилось «после» кончины члена семьи (Чистов 1997: 481). В этих «мемуарных» вставках, вводимых словами: «Раньше, бывало, ты заботился о нас (делал то-то и то-то)», содержатся позитивные характеристики оплакиваемого родственника; а следующим фрагментом причитания обычно выступает чрезвычайно популярная «формула недостатчи» («А нынче кто будет выполнять твои семейные обязанности?»).

Риторический вопрос «Кто теперь будет выполнять работу (опекать, кормить)?» является общеславянской композиционно-тематической константой в жанре причитаний. Он зафиксирован еще в источниках XVI века (в поэме польского автора Себастиана Клёновица «Роксолания»). В переводе на украинский язык этот фрагмент выглядит следующим образом: «Мужу коханий, помер ти, помер, наймиліший, єдиний <...> Хто буде в хаті порожній господарем, хто буде вчити осиротілих дітей? Поле хто буде орати? Хто череду випасатиме, мед із колод буде брати? Хто нам пластиме коші, щоб покласти в них сир?» (цит. по: Микитенко 2010: 205). В количественном отношении это одна из самых частотных (особенно для украинско-белорусской и южнорусской традиций) структурно-композиционных моделей построения текстов причитаний.

Признаки некоторой идеализации умершего отмечаются также в оценочных характеристиках и постоянных эпитетах, в метафорических заменах с позитивной семантикой, в экспрессивной лексике и хвалебных формулах и т. п.

Кроме прямых форм прославления умершего родича, в которых перечисляются его достоинства («Ты был хорошим мужем, не обижал меня»; «Ты была настоящей труженицей, кормила-поила нас»), в причитаниях нередко используется прием косвенной похвалы оплакиваемого персонажа («Пока ты был жив, все у нас было хорошо», «Теперь некому выполнять твою обычную работу», «Дом без тебя стал холодным, двор стал чужим»).

И, наконец, последнее вступительное замечание. Специалисты, занимавшиеся изучением восточнославянских похоронных плачей, признают их несомненную генетическую общность, но вместе с тем они постоянно отмечают заметно выделяющиеся особенности фольклорно-поэтической стилистики севернорусских текстов, которые отличаются от украинско-белорусских и южнорусских причитаний значительно бóльшим объемом и бóльшей степенью разработанности традиционных плачевых мотивов, а также богатой в художественном отношении лиро-эпической образностью. Поскольку, согласно древнерусским письменным источникам, погребальная причеть зафиксирована в формах, близких к украинско-белорусским вариантам (более лаконичным по форме и более «бытовленным» по поэтическому языку), именно они признаются исконными образцами общеславянской плачевой тра-

диции. А в севернорусской причети, по-видимому, сохраняются следы финно-угорской фольклорно-поэтической системы, тесно связанной с эпическими жанрами (Чистов 1982: 101–114; Толстая 2015: 298–305). Учитывая эти этногенетические особенности севернорусских текстов, мы все же привлекаем их для анализа наравне с причитаниями из других восточнославянских региональных традиций, поскольку для решения вопроса о семейных ценностях подобные художественно-поэтические различия не имеют решающего значения.

Признаки образцового члена семьи. Оценочные характеристики супругов, родителей, детей, сестер и братьев, других родственников

К числу главных функций семьи этнографы и социологи относят, во-первых, функцию продолжения рода; во-вторых, создание экономической базы совместного существования, обеспечивающей баланс между сферами производства и потребления в рамках семьи; в-третьих, экспрессивно-рекреационную функцию, направленную на преодоление внутри-семейных конфликтов и стрессовых ситуаций; наконец, в-четвертых, объединительную функцию всехородичей, проживающих под одной крышей: воспитание чувства взаимовыручки, осознание принадлежности одному роду, распределение трудовых обязанностей, проведение совместных праздников и ритуалов (Ганцкая 1984: 16–27).

Как в малых семьях (представленных двумя поколениями: родители — дети), так и в неразделенных больших (несколько брачных пар разных поколений, их дети, свойственники, старики) у славян доминировала патриархальная система организации семьи, в которой главным лицом считался старший женатый мужчина работоспособного возраста. В его руках была сосредоточена функция управления всеми делами хозяйственной сферы. Первая и самая главная работа мужа-главы — это управлять домашними, распоряжаться рабочими силами семьи, приучать детей к труду, обеспечивать благосостояние дома и подворья, следить за порядком в расходовании накопленных ресурсов, отстаивать интересы семьи в социуме и ряд других (Милогорова 1991: 94; Кабакова 2012: 449–450). А организацией домашних и внутривортовых работ, а также воспитанием малолетних детей занималась жена (либо мать) хозяина, распределявшая работу между членами женской половины семьи — дочерьми и снохами. Дети до 5–6 лет считались малолетками, оставаясь под материнской опекой, а далее они приобщались к труду соответственно полу и возрасту. Перечисленные структурные и функциональные характеристики традиционной семьи в той или иной степени отражаются в жанре фольклорных причитаний.

Прежде чем перейти к анализу текстов, напомним, что в задачи статьи не входит воссоздание на основе причитаний всеобъемлющего

образа того или иного субъекта родственных отношений (например, образа матери как персонажа плачей). Цель нашего исследования — выявление набора позитивных качеств человека, включенного в систему родственных статусов, т. е. стремление определить, из каких оценочных критериев исходят исполнители плачей, прославляющие достоинства идеальной матери, образцового отца, хорошего брата и т. п.; что именно ценится более всего в крестьянской культуре в отношениях с родственниками. Такой аксиологический подход к семейной тематике со знаком «плюс» оставляет за пределами нашего внимания проблематику причитаний, связанную с описанием тяжелой доли вдовствующих женщин, осиротевших детей и проч. Он же определяет и особый выбор соответствующих текстовых фрагментов плачей, которые содержат в прямой или косвенной форме хвалебные мотивы, характеризующие умершего.

Первой будет рассмотрена мужская группа персонажей (муж, отец, взрослый сын, брат), так как в их характеристиках отмечаются некие общие мотивы.

Составить представление об образцовом главе семьи на основании мотивов причитаний довольно трудно, так как среди адресатов оплакивания фигурируют обычно такие субъекты родственных связей, как «отец», «муж», а является ли он старшим хозяином дома, сведений обычно нет. Лишь изредка в севернорусских плачах прямо формулируется статус умершего как «большака» и «начальника» (Барсов 1997/1: 55). Но в наборе позитивных качеств отца/мужа признаки образцового хозяина-труженика, кормильца, защитника (т. е. главы семьи) стоят на первом месте. Рассмотрим, как именно характеризуется в восточнославянских причитаниях персонаж, соотносимый с понятием «образцовый муж».

Хороший муж

Среди достоинств, характеризующих любого образцового семьянина из числа мужчин, абсолютное первенство в мотивах причитаний занимает высоко ценимое качество умелого хозяина и неутомимого труженика. Особенно часто этот мотив встречается в плачах вдовы по умершему мужу, поскольку на ее плечи в дальнейшем перекладывалась вся тяжелая мужская работа по обработке полей, обмолоту зерна, заготовке сена, дров и т. п. В структуре текста он часто реализуется в виде констатации факта по формуле «недостача работника»; например, с.-рус.: «...У меня, у горящице, нет пахаря во полюшке, нет севаря на полосоньке, нет дровосека на улице, нет во дому-то хозяина» (Ефименкова 1980: 165, № 55); «Нет пахаря на чистых полосушках, сенокосца на луговых нету поженках, рыболовушка на синем нет Онегушке» (Барсов 1997/1: 27–28); «Нет доброхота, света-батюшки <...> во чистом поле пахаря, во темном лесу да дровосека» (Шейн 1900: 783, № 2509).

В белорусских и украинских причитаниях «формула недостачи» чаще выглядит как упомянутый нами выше очень популярный риторический вопрос: «Кто за тебя будет работать, кормить-поить, заботиться?». В белорусской плачевой традиции самыми частотными для образа мужа являются следующие виды работ: [Кто будет] «ніўку араць», «поле абсяваць», «сена касіць», «скаціну даглядаць», «хазяйства супаўняць», [кто теперь] «копку прывезець», «гумно паглядзіць», «зерно змалоціць», «дроўцаў навозіць», «конікаў павядзец на начлег» и проч. (ППГ 1986: 279–314).

В украинских причитаниях список аналогичных хозяйственных обязанностей мужа еще длиннее: [Теперь некому] «дров урубати, худобу обійти, сіяти, орати, обору замести, в stodolі позапретувати» (Голосіння 2012: 632, № 1056); «Хто міні буде в поли робити, хто міні дровец привезе, хто міні водиці принесе, хто міні в мліні змеле, хто міні худібку обійде, погодує?» (Там же: 630, № 1052); «А хто ж мені, мій чоловічечок, та лапки сплете, та оборочки прив'яже?» (Там же: 243, № 358) и много других.

Вторая популярная модель прославления трудолюбия хорошего мужа реализуется в форме «мемуарных» фрагментов плача, построенных по схеме: «Раньше, бывало, ты делал то-то и то-то». В них более явно прослеживаются признаки величальной стилистики: белор. «Мы з табою жылі, як рыбка з вадою. Ты ж, бывала, устанеш з расою, працуеш у полі, робіш за ўсіх, пачынанне і сканчанне — ўсё з цябе. Ты ж такі не быў ні п'яніцей, ані лайдакам...» (ППГ 1986: 299, № 222). Позитивные характеристики мужа как хорошего работника и хозяина во множестве вариантов фигурируют и в украинских причитаниях вдовы: «А ти ж був добрий хазяїн, у нас всігда ж були сенокоси покосині, поля ж оброблені, було все чисто й добре» (Голосіння 2012: 479, № 791); «Ты в нас був золотий, і роботящий, і ще ж який путящий» (Там же: 734, № 1192); «В тебе золоті руки, ти ж такий трудяга...» (Там же: 684, № 1124); «А ти ж, як та бджілка, все трудився, все носив, все робив» (Там же: 685, № 1126).

Наконец, эти же качества ценного работника-труженика могли быть представлены в виде отглагольных существительных: укр. «Де ж я гуральника [т. е. «пахаря», от глагола *орати* 'пахать'] найду, де ж я кусяра [т. е. «косца»] найду?» (Там же: 433, № 687), или в обращениях к умершему в звательном падеже, которые построены как обозначения лица по его действию: укр. «Ой мый косарыку, мый ратайіку!», «Мой доглядальничку! Мой доставальничку!», «Ой мый роботнычку!». Этот тип номинации умершего — обозначение лица по его действию посредством отглагольного имени — очень продуктивен в плачах восточных славян и финно-угорских народов, он встречается почти во всех текстах

(адресованных взрослым членам семьи) с мотивом «прославления трудолюбия умершего»; см. подробнее: (Голстая 2015: 298–305).

В наборе высоко оцениваемых в причитаниях качеств хорошего мужа-хозяина оказываются также способность быть лидером, т. е. руководителем всего жизненного уклада семьи, уметь: «порядок наводить», «дом держать», «семьей управлять», «работой каждого наделить», «мудрые советы давать». В русских причитаниях по мужу или отцу этот мотив представлен либо сравнительными конструкциями, указывающими на высокий статус хозяина-управителя: «Не дай, свет да Богородица, жить церкви без священника, часовне жить без старосты, деревне — без десятника, стоять дому без хозяина, угоды — без крестьянина» (Барсов 1997/1: 61); либо «формулами недостачи»: «... Большака нету по дому настоятеля, ко крестьянской нашей жирушке правителя» (Там же: 34); либо специфическими выражениями типа: «Научи ты меня, как мне *дом-то доमितь...*» (Смирнов 1920: 68).

В украинских и белорусских текстах это качество обычно выражается однотипным набором специфической лексики, образованной от двух разных корней (**rad-* ‘совет’ и **řed-* ‘ряд/порядок’), которые в контексте причитаний обнаруживают явное семантическое сближение. Ср. белор. *парядок*, *рада*, *порадочка*, *радзіць/порадзіць* в значении ‘порядок, совет, управлять, справляться’; например: «параднічак ты мой», «з кім мне парадзіцца?»; «у каго мне радачкі пытаціся?»; и укр. *рада*, *порада*, *радити*, *поряжати*, *порядок давати*, *порадитися* с тем же значением; например: [об умершем муже или отце] «наша рада й порада», «а хто ж нас поради́ть?», «хто ж мене теперь буде поряжати́, хто мени порядок буде давати́?», «устань тай поради́ нас!» и т. п. Многозначная семантика этих украинско-белорусских выражений (кроме наиболее распространенного ‘распоряжаться’ или ‘советовать, давать совет’) совпадает со значением русских диалектных глаголов *ряді́ть*, *ряжа́ть*, *ряжыва́ть* — ‘править или управлять, заведовать, держать в порядке, распоряжаться, давать распорядок’ (Даль 2004/3: 545). Ср. рус. новгород. причитание по мужу: «Наряжал, да лада милая, ты своих да малых деточек на дело и на работушку» (Шейн 1900: 783, № 2509).

Подобных примеров в украинско-белорусской традиции причитаний так много, что допустимо говорить о высокой степени значимости концепта порядка/распорядка жизни, понимаемого как правильное, установленное обычаем, ведение хозяйства и привычная организация повседневной жизни. Потребность в мужском твердом руководстве была так велика, что даже по поводу смерти мужа-инвалида, не принимавшего участия в тяжелых работах, вдова отмечала его роль в семье как распорядителя: «А що я буду без тебе робити, як буду без тебе привикати. А ти ж, хоч нічого не робив, то *пораду давав*. А ти ж все знав,

а ти мною командував, а я робила, й все добре було...» (курсив мой — Л.В.) (Голосіння 2012: 657, № 1098). Чаще всего именно мужу или отцу адресовались тексты с этим мотивом: «Параднічак ты мой мілы! Парай ты мне парадуньку, з кім мне цяпер парадзіцца і у каго праўдачку папытацца? Як мне жыць цяпер на свеце без свайго татулічкі, без свайго параднічка?» (ППГ 1986: 200, № 16).

Еще одно обязательное качество хорошего мужа и отца, упоминаемое в причитаниях, связано с представлениями о функции быть защитником своей семьи. В русских текстах это действие обычно выражается глаголами *защитить*, *оборонить*, *загородить*, *заступить*, *заслонить*: «Кто нас защитит от разных напастей?» (Смирнов 1920: 87); «Бы ты своим детушкам первая застоя, первая оборона» (Там же: 90); «Оборонить меня некому — нет заступы хороших. Обороны нет великия» (Там же: 74). Здесь — как и в выше упомянутых обозначениях умершего через глаголы трудовой деятельности — используется тот же прием номинации, когда мужа-защитника вдова называет: «моя загородушка», «моя оборонушка», «от часта дождя затулушка» (Там же: 111). Последнее из этих названий (*затулушка*) сближает севернорусские обращения к умершему мужу с украинскими вариантами: ср. полтав. «Мій чоловіче, мій затуло! Я за тебе заступаю тай нікого не боюся» (Голосіння 2012: 116, № 134); винниц. «Затуло моя! А ти ж мене затуляв від всякого лиха» (Там же: 658, № 1099), где эпитеты-обращения к мужу образованы от укр. глагола *затулити* ‘заслонить, закрыть’. Потребность женщины в защите выражается рус. поговоркой: «Хоть плох муженёк, да *затулье* моё: завалюсь за него — не боюсь никого» (Даль 1984: 288).

Близко сходные формулы со значением ‘защищать от напастей’ используются в белорусских причитаниях: [кто меня] «ад непрыязні заслоніць, ад напасці абароніць?» (ППГ 1986: 198, № 10); «Як за нас цяпер некаму заступицца» (Там же: 294, № 215) и т. п.

Реже упоминаются в восточнославянских плачах такие качества образцового мужа, как заботливое отношение к жене, ласковое с ней обращение, доброта и миролюбивый нрав. В форме описаний былых событий эти позитивные качества фиксируются в украинских и белорусских текстах, в которых перечисляются такие заслуги умершего, как: «А ти ж за все дбав, а ти за все турбувався», «Ти ж мені ніколи не шкодував нічого», «Ти мене ніколи не позбиткував, не поганьбив» (Голосіння 2012: №№ 418, 703, 1167); «Бувало, ти мэнэ в яму за картоплюю нэ пустиш. Ти мэні водэ прінэсэш» (Там же: № 555), т. е. плакальщица подчеркивает, что муж, жалея жену, выполнял не свойственные мужчине домашние дела. Поводом для похвалы в адрес мужа считалось также то, что он свою жену «никада плахим словечком ни назвал» (СМЭС 2003/2: 224) либо не был излишне сварливым: «А мы ж з табой жылі, мы

ж ніколи не паспорылі» (ППГ 1986: 287, № 201). Как беззаботная и счастливая изображается жизнь при хорошем муже в плаче, записанном в Белозерье: «При тебе, да добра голова, я не знала, сиротиночка, откуда солнце поднимается, куда красное девается, что рано не вставала, не думала, не работилась, — он сам везде» (Адоньева 2004: 201).

Сравнительно редко встречаются характеристики мужа как *любящего супруга*: «Твої білі рученьки холодні, що мене обнімали, а устенька медовії застигли, що мене цілували. Хто ж мене до серденька пригортатиме...» (Голосіння 2012: 279, № 418).

Переживания вдовы по поводу потери мужа нередко изображаются как нехватка адресованных к ней добросердечных слов: «Ніхто мне шчырага слоўца не скажаць» (ППГ 1986: 296, № 217); «У каго добрага слоўца пытаціся?» (Там же: 198, № 9).

В косвенном виде похвала мужу может быть отмечена в мотиве: «почетом и славой наделяется лишь жена при живом муже»; ср., например, с.-рус. «При тебе я, лада умная, была славная и почётная, была чесна и похвальная, была умна и разумная, а теперь я, лада умная, непохвальная, непочётная, сирота я горемышная...» (Смирнов 1920: 114).

Перечисленные выше позитивные качества хорошего мужа находят отражение не только в рассмотренных плачевых мотивах, но и в формульных обращениях к умершему, представленных в виде разнообразных метафорических замен и экспрессивных выражений; ср., например: рус. *надёжная семейшка; надёжная державушка; надёженька — законный муж; кормилец-свет-батюшка; великое сердечно желаньице; наша приберёгушка; мила ладушка; лада умная; большак-настоятель наш; сердешный добротушка; наша оборонушка; ты разбатюшко, мой милый друг* и т. п.; белор. *супружачык мой міленькі; гаспадарык, мой галубчык; гаспадарык мой верны, любы; пташечка родненькая; мой ты прыгожанькі, мой мілюсенькі, мое сонейко; хазяін мой даражэнькі; надзеждушка наша верная; мой ты работнічак, мой мілюсенькі; советчык мой любы* и т. п.; укр. *чоловиче мій, дружыно моя; мій господарейку, мій соловейку; моя дружыно й молодая, моя дружыно вірная, мій же хазяїну добрий; та мій хазяїне, та мій дорогенький, та мій голубе сивенький; мій хазяїне, моя й пара дорога; ой моя паройка щырая; ой мій господару, мій старальнычку; мій же ти господарийку, мій ти соколойку, моя ти порадойко* и др.

Хороший отец

Большая часть характеристик образцового отца совпадает с рассмотренными выше признаками хорошего мужа. И первый из этих признаков — опять же трудолюбие и забота о семье. Как вдова часто оплакивает в своем муже главного опекуна и воспитателя детей («Ти

ж то був добрий батько у своїх дітей, ти то їх любив та жалував, ти ж то доглядав та пильнував їх» — Голосіння 2012: 598, № 981), так и осиротевшие дети скорбят прежде всего о потере своего «кормильца-поильца», защитника и наставника. Наиболее продуктивной в этих текстах оказывается все та же структурная модель в виде риторических вопросов «Кто ж теперь будет?...»; ср.: укр. «А хто ж нам хліба заробить, а хто ж нас от ліха заступіт, а хто ж нас розуму научіт?» (Там же: 410, № 668); «Татку наші, татку! Сінокосы приходят, хто буде травицю косити?» (Там же: 497, № 811). Перечисляя благодетеля отца, дети чаще всего упоминали, что он их кормил-поил, растил, уму-разуму учил, до ума довел, от врагов оберегал, замуж выдавал, добром наделял и т. п.; ср. рус.: «Болезный ты мой батюшка, поилец ты мой, кормилец, обувал ты меня, одевал, поил ты меня, кормил. А теперь, батюшко, от кого мне ждать раденья?» (Смирнов 1920: 120).

С этим же риторическим вопросом («кто теперь будет опекать?») сочетается перечисление многих действий отца по отношению к своим детям в белорусских причитаниях. В них рисуется портрет образцового родителя-опекуна, которого нечем заменить: [кто нас теперь] пожалеет, вырастит, накормит, одежду справит, обнимет, приласкает, приголубит, приютит, поможет, защитит, доброе слово скажет, до ума-разума доведет, добрый путь укажет, под свое правое крылышко положит; кто за нами будет присматривать; некому за нас заступиться; к кому нам теперь головку приклонить; у кого правды искать и т. п. (ППГ 1986: 195–223). Взрослые дочери, жившие уже своими отдельными семьями, вспоминали, что отец им, бывало, и «гнаёчак вывезе, и вярвачкі саўе, і лапцікі спляце» (Там же: 205, № 28); он давал ценные советы, когда начинать пахать и сеять (Там же: 220, № 58).

Как внимательный к детским проблемам, чуткий и заботливый описывается отец в одном украинском плаче вдовы по мужу: [Уже не спросишь ты у детей, как прежде] «Ци є, діти, кожушина, ци є, діти, сердачина? Ци є дрива, ци є хлібец, ци горечий є обідец? <...> Ци хата у вас затоплена, ци постіль у вас застелена? Ци є, діти, у вас фасулі, ци масти барабулі? Ци є цего, ци є того, ци є хліба до нового [до следующего урожая]» (Голосіння 2012: 570, № 933).

В украинско-белорусских плачах детей по родителям в еще большей степени, чем во вдовьих причитаниях, значимыми оказываются мотивы сохранения правильного порядка-распорядка жизни, заданного отцом при его жизни. К умершему обращаются со словами: укр. «Нашая порадойка, наша розрадойка!», спрашивают: «Хто ж нас будэ тыпэрыйка поражагы?» в значении ‘советовать, руководить нами’ (Там же: 352, № 558); белор. «Мой татухна, ачніся, кармілец, пакажы ж ты нам парадак, як нам на белым свеце пражыці, а мы яшчэ не ўзрашчоны

і к парадку не прывяздзёны!» (ППГ 1986: 282, № 184). В русских плачах по отцу он предстает как мудрый учитель-воспитатель, который был ласковым со своими детьми: «Со родителем со батюшкой да мы ходили и уму-разуму мы от родителя учили! А он словечушком ведь нам да не сгрубил и работушкой он николи нас не трудил» (Барсов 1997/1: 284).

В одних и тех же стереотипных выражениях описывается функция защиты семьи в плачах по родителям: устойчивой метафорой отца-защитника в севернорусских плачах является «стена городовая», а мать называют «стеной горокаменной» (см. ниже). Этот же мотив в белорусских причитаниях по отцу представлен в виде вопросов: «хто жа нас ад непрыязні заслоніць, ад напасці абароніць».

О том, что к умершему отцу дети обращались с просьбой помогать им с того света («штоб вы нам адтуль да прыялі»), мы уже упоминали во вступительной части статьи.

Хорошие дети

Если для категории «супруги-родители» в причитаниях возрастные показатели не имеют особого значения, то в плачах по детям принципиально различаются тексты в зависимости от возраста адресатов оплакивания. Младенцы и малолетки чаще всего не оплакивались вовсе: «Не принято выть по очень маленьким детям» (СМЭС 2003/2: 124); «Як маханькія ўміралі, ну, не так тада жалка была» (ППГ 1986: 418). По детям шести-восьмилетнего возраста причитали, используя в основном формулы эмоциональных обращений, бессюжетных горестных восклицаний, сожалений и т. п.: «маё дзіцятка маленькае, а маё несмыслёнькае», «цвяточак ты мой раненькі», «пчолачка ты адлётнёнькая, адлятаеш ад сямеечкі» (ППГ 1986: 325, 337). Плачи по умершим подросткам уже различались по гендерному признаку (тексты, адресованные отдельно дочери либо сыну): «Мой ты сыночку, мой голубочку», «трудоуладанічак мой невялічанькі», «мой работнічак маладзенькі» (там же). По взрослым сыновьям и дочерям причитали как по прочим взрослым членам семьи.

Образцовый сын

Пытаясь раскрыть значение термина родства «сын» в литовских и восточнославянских причитаниях, Л.Г. Невская выделила следующие релевантные признаки этого персонажа с точки зрения оценки его родителями: тесная эмоциональная связь с отцом-матерью, хорошо усвоенное воспитание, трудолюбие, уважение к старшим, веселость, ловкость в уходе за лошадьми (Невская 1993: 112–121). Смерть сына для родителей всегда воспринималась как преждевременная и неправильная, лишаящая надежды, что он будет их опорой в старости («сменушкой-

надеюшкой)), поэтому так часто в плачах по сыну используются метафоры «недозрелой ягоды», «недорослой яблоньки» (Там же: 118).

Как в причитаниях по мужу и отцу, так и в плачах по взрослому сыну достаточно продуктивным оказывается мотив усердия в труде. Он представлен то в виде традиционных риторических вопросов: «кто будет выполнять работу?» (пахать, сеять, косить); то в виде номинативных конструкций: укр. «Мій молотнику, мій косарыку, и мій копилнику, и мій кыдальнику, и мій плугатырю!» (Голосіння 2012: 99, № 101); то в виде «мемуарных» описаний недавних событий: белор. «Ты ж мне касіў, ты ж мне дроўцы сек, а ты ж мне ўсё памагаў: і бульбачку ўкапаеш, і бурачкі звязеш» (ППГ 1986: 333, № 301); «Ты мне і вадзіцы прынясеш, і кароўку напасціш, і сенца збярэш, і скацінку накарміш» (Там же: 332, № 299). В перечнях трудовых обязанностей сына можно отметить некоторое смешение чисто мужских (полевых, заготовительных, скотоводческих) и чисто женских (домашних, огородных) работ, поскольку в разные периоды своего взросления он мог быть помощником в труде то матери, то отца.

Взгляд на сына как на опору родителей-стариков, как на «сменщика», который в дальнейшем взял бы на себя трудовые обязанности старшего поколения, сквозит во многих текстах. В русских причитаниях его называли «сменушкой-надеюшкой» или «лёгкой переменушкой» (Барсов 1997/1: 90); аналогично в украинских текстах: «мій сыночку, мій роботнычку», «моя переминочка», где высказывались сожаления: «Я ж думала, мій сыночку, що ты мене переминытьмеш, я ж думала, мій сыночку, що ты мене доглядатымеш» (Голосіння 2012: 96, № 94). Работящим и услужливым для всей родни изображается хороший сын в белорусском плаче: «Да ты ж тут усім пользачку прынасіў, да ўсе ж табою былі давольны, да ніхто ж цябе не судзіў, не гудзіў, — усякі знаў, шо ты прыгадзішся» (ППГ 1986: 329, № 294). На сына распространялись ожидания родителей, что он их «при старости лет кормить будет», а потом «родные косточки похоронит» (рус. костром. — Смирнов 1920: 96).

Высоко ценились также покладистость в обращении с близкими и приветливость хорошего сына, его доброта по отношению к близким. Так, мать в украинском причитании хвалит его за то, что он любил всех своих братьев и сестер: «А ти ж був найдобріший, найкращий, а ти ж любив своїх сестричок і братиків <...>; оно я скриваюсь, — то й питаеш: “Що вам, мамо?”» (Голосіння 2012: 653, № 1095). Похвальным считалось также умение поддержать беседу, иметь смиренный нрав: рус. «Бывало, ты с работы придёшь — всё со мной поговоришь <...> Какой ты был у меня смиренный: никогда я не слыхивала, чтоб ты ругался или чёртом, или дьяволом, а не то что по-матерну; всё терпел от всех ты до смерти — и насмешки, и ругани...» (Смирнов 1920: 96).

Для севернорусской традиции рекрутских причитаний, когда оплакивали уходившего в армию сына или брата, были характерны многословные пышные прославления таких достоинств молодых людей, как *неспесивость, кротость, велико смиренъице, велико доброумъице, тихий говор, поговорушка ровнёшенька, словечушки ласковы, сердечушко не горделивое* (Барсов 1997/2: 99). Среди стандартных хвалебных формул в адрес сына-рекрута фигурируют отзывы родственников и соседей о том, что он был почтительным по отношению к односельчанам; всегда говорил «умильными словечушки», и сам он: «не плут был, не разбойничек», «и красным девушкам был не насмешничек, и молодым жёнам не празничек, и мужним жёнам не стыдитель был» (Там же: 67).

Признаки величальной стилистики в эмоциональных обращениях к умершему сыну характерны для белорусских похоронных причитаний: «дзяцёнак мой, мілешанькі мой», «ягадзінка мая не спелая, не зрэлая», «сыноч жа ты мой прыятны», «мой сыночак добрэнькі», «мой сыночак залаты, дарагі», «саколік наш ясенёўкі, лебедзька наш белёўкі» и т. п. (ППГ 1986: 340–345).

Хороший брат

По сравнению с другими родственниками мужской половины семьи этот персонаж не столь определенно наделяется в восточнославянских причитаниях индивидуальными качествами образцового семьянина. Оплакивающие его сестры часто характеризуют его (если он был холостяк) как хорошего с ы н а по отношению к их общим родителям, либо (если он был женат) как заботливого м у ж а и о т ц а его детей. И лишь во вторую очередь формулируются его качества хорошего брата по отношению к сестрам. Пожалуй, более отчетливо образ этого семьянина прорисован в севернорусской причети.

В упомянутом исследовании А.Г. Невской говорится, что по своему функциональному значению в жизни сестры старший брат в севернорусских плачах приравнивается к отцу и является его заместителем (в случае смерти главы семьи), т. е. он берет на себя опекунские обязанности по отношению к сестре, а также право решать ее судьбу, связанную с замужеством (Невская 1993: 124). Соответственно с образом брата соотносятся все те же мотивы былого трудолюбия и помощи, которую он оказывал сестрам, как это наблюдалось в наборе признаков отца по отношению к детям. В качестве специфической функции старшего брата выступает лишь забота о сохранении чести незамужней сестры. Так, в плачах сестры-девицы высказывается сожаление, что теперь у нее нет «повозничка» ездить в гости на праздники, «нету сберегателя девичьей волюшки». А замужние сестры сетуют, что братец не привезет уже подарков им и их детушкам, не встретит ласково приехавших к нему пого-

стить родственников; а то, бывало, прежде: «выходил жо мой брателко, о-ё-ёй, дак на краснё крылечико, о-ё-ёй, дак он встричал меня с радостью, о-ё-ёй, да провожал меня с жалостью!» (Ефименкова 1980: 147). О функции брата быть защитником сестер говорится в русской пословице: «Братская любовь пуше каменных стен». Для севернорусской причетной традиции типичными являются прославления молодецкой красоты и удали брата, достойной того, чтобы написать его портрет: «лицо белое», «ясны эты очушки», «черны его бровушки», «завивныи кудёрышки» и т. п. (Барсов 1997/1: 164). Признаки величальной стилистики отмечаются также в формулах похвалы умершего брата за то, что он «имел честь от людей»: «... Тебя знали многи добры столько людюшки, приглашали во бурлаки во молбдыи, не гнушались тобой красные ведь девушки, тебя брали во кружки да хоботистыи [т. е. звали водить хоро-воды «вьюном»]» (Там же: 89).

Аналогичный позитивный образ брата (двоюродного) по отношению к сестрам вырисовывается в рекрутских причитаниях: «... И он ведь словечком-то вас не огрубил, и он тяжелой работой не огрузил! И были ласковы прелестныи вам словечушка, и вам от эта соколочка златокрылого, и вам от светушка братца двуродимого! <...> И вам не буде столько летнего повозничка, и да вам зимна безответного извошничка по гульбищечкам» (Барсов 1997/2: 94). Вообще в русском фольклоре родственная связь брата и сестры характеризуется как очень крепкая: об идеальных дружеских отношениях говорится: «живут, как брат с сестрой».

Менее информативными с точки зрения выявления признаков идеального брата оказываются немногочисленные украинско-белорусские причитания в адрес этого родственника. В похвалах ему, имеющих вид «формул недостачи», иногда упоминаются функции: помощника в полевых работах («хто тепер мені травичку скосит?»), защитника и наставника для своих сестер («братику, мій защититель, братику мій приятель», «хто ж мяне цяпер будзе шкадаваці, а хто будзе наўчаці?»), мудрого советчика («ты заўсёды памагаў саветам, каму цяжко»). И, конечно, старшего брата характеризует популярный для украинско-белорусских плачей мотив «порядок держать»; ср. укр. «Мій ти братієйку, наша *порадойко*, наша розмовойко, наша потішейко! Я не маю *кого ся радитойки*...» (Голосіння 2012: 501, № 819); «Та нехай би ти не робив, а лише сидів та *порядок вів*...» (курсив мой — Л.В.) (Там же: 700, № 1143).

Женская половина семьи представлена в похоронных плачах образами матери, дочери, сестры, тетки, бабушки. О позитивных качествах жены можно судить лишь по чрезвычайно редким для восточнославянской традиции записям мужских плачей о супруге, но в них вдовец чаще всего оплакивал утрату жены как матери осиротевших детей: «Хто діти буде чесати, хто їм головку змиє, хто буде вбирати їх,

а хто сорочечку шити? Хто їсти вготовит, хто їх погодує?» (Голосіння 2012: 637, № 1067). Частично образ хорошей жены может быть реконструирован на основе свидетельств разных плакальщиц, когда они, провозжая в последний путь родственницу или соседку, прославляли ее достоинство как заботливой и преданной супруги для своего мужа.

В жанре причитаний совершенно особое место занимает образ умершей матери — и по общему количеству адресованных ей текстов, и по разнообразию мотивов, и по эмоционально-психологическому накалу исполнения плачей. Он наиболее подробно разработан и детализирован по своим многообразным функциям в украинско-белорусской традиции.

Хорошая мать

Несмотря на абсолютный приоритет патриархального типа устройства родственных групп и высокий статус отца как главы семьи, именно плачи по матери занимают центральное место в структуре жанра. Это связано с тем обстоятельством, что одна из важнейших функций семьи, а именно эмоционально-рекреационная, направленная на предотвращение конфликтных ситуаций во внутрисемейных отношениях, ложится обычно на плечи матери, которая сохраняет более близкие, чем отец, сердечные связи с детьми, внуками и другими родственниками. Об этом свидетельствуют такие народные пословицы и поговорки, как: «Без отца — сирота, без матери — вдвое», «Без отца — полсироты, а без матери и вся сирота», «Нет такого дружка, как родная матушка» и под. (Даль 1984: 300–301). В плачах детей, потерявших мать, но оставшихся с отцом, говорится: «А татулечка ж не мамулечка, ён жа возьмець чужую маму, а яна ж нас не будзець глядзеці, яна ж нас будзець абіжациі» (ППГ 1986: 234, № 95).

Согласно выводам Л.Г. Невской, понятие «мать» в его разных смыслах и лексических воплощениях определяется в литовских и восточнославянских причитаниях набором следующих функций: 1) родить; 2) воспитать как в аспекте вскармливания, так и приобщения к нравственному и социальному кодексу социума; 3) научить правилам поведения, привить трудовые навыки, приобщить к «тайному знанию»; 4) быть заступницей, покровительницей как при жизни, так и после смерти в качестве предка-опекуна (Невская 1993: 99–100).

Исходя из целей нашей работы, попробуем проанализировать, какие именно качества хорошей матери оцениваются в причитаниях как наиболее позитивные, присущие именно этому персонажу. Если судить по текстам восточнославянских плачей по матери, самыми частотными среди всех позитивных признаков этого персонажа оказываются следующие характеристики: 1) мать — кормилица, труженица и опекуна; 2) мать —

домоправительница и советчица; 3) мать-утешительница; 4) мать-собеседница; 5) «моя мамочка — моя правдочка»; 6) мать-защитница.

Мать — кормилица, труженица и опекунша. Как и в отношении всех других родственников, в наборе признаков хорошей матери главным ее позитивным качеством считалась неутомимость в повседневной домашней работе, умение правильно организовать свой трудовой день, успевать во всех делах. Чаще всего в плачах упоминаются материнские хлопоты по уходу за детьми. Даже простое перечисление их занимает значительное место среди множества позитивных качеств матери. В белорусских плачах они обычно оформлены в виде риторических вопросов типа «кто теперь будет делать дело?». По отношению к малым детям этот список включает следующие действия: [кто будет] *даглядаць, гадаваць, няньчыць, купаць, абмываць, прыбіраць, абшываць, абуваць, разбужаць, з пасцелькі подымаць, косачкі заплятаць*; [кто будет им] *есці варыць, абедец даваць*. Материнские заботы, связанные с подрастающими детьми, выдвигали на повестку дня уже другие проблемы: [кто будет] *нас навучаці, на работку старажаці, ў дарожку праважаці, дома сустракаці, нам памагаці, да разуму давадзіць, на пуць наварачываць* и т. п. В причитаниях взрослых детей звучали похвалы, что раньше «наша мамачка-работніца» во всем помогала, грибочки и яголки приносила, двор подметала, скотину вовремя загоняла, в огороде работала; бывало, она: «маіх дзетухнаў паняньчыць», «мои трубочкі [рулоны домотканого полотна] ў парадак прывядзецца», «майго супастага [мужа дочери] уймець, як ён разгуляецца» и т. п. (ППГ 1986: 224—279). Судя по этим характеристикам, мать не только вела собственный дом и растила своих детей, но и активно помогала живущим отдельно взрослым детям по хозяйству и по уходу за внуками. В единичных мужских плачах (сына по матери) рисуется ее самоотверженное служение детям: «Да ты ж нас семярых вучыла, ты нас гадала, часам сама не даядала, а дзецям паследні кусок хлеба аддала» (Там же: 242, № 110).

Практически все те же самые повседневные занятия матери фигурируют и в украинских причитаниях: «Хто діти буде чесати, хто їм головку змис, хто буде вбирати їх, а хто сорочечку шити? Хто їсти вготовит, хто їх погодує?» (Голосіння 2012: 637, № 1067); «Хто ж тпер горбди твої ме сапати, хто садочку ме доглядати, хто короўки твої здойи, хто овечки твої доглыине?» (Там же: 584, № 962). Мотив похвального трудолюбия часто реализовался в «мемуарных» формулах: [ты/вы, бывало] «скільки ж ви на своїм віку снопів нажали, а скільки кіп нав'язали» (Там же: 702, № 1145), «а ти ж спочинку не мала, все нами турбувалась, а ти ж все нам дбала, а ти ж хати й сіни пообмашувала...» (Там же: 715, № 1162).

Высоко ценя чисто практическую пользу от материнских забот, плакательницы одновременно прославляли умение матери создать теплую сердечную атмосферу в доме. Так, одним из наиболее частотных оказывается в плачах мотив «заботливых проводов и ласковых встреч», когда мать отправляет взрослых детей на полевые работы или в дальние отъезды и приветливо встречает их затем у ворот дома: «Хто будзе нас сустракаць, а хто будзе ў дарожачку праважаць?» (ППГ 1986: 226, № 74); «Хто ж мяне так ласкава ўстрэціць і правядзець, як не ты, мая матульчка?» (Там же: 233, № 93). С этим мотивом связаны и обращения к матери типа: «верная сустраканніца мая» и «правадніца мая шчырая» (Там же: 245, № 117).

Мать — домоправительница и советчица. К числу достоинств матери (так же, как и главы семьи) причисляется умение управлять, руководить, советовать, «порядок давать». Плакующие ее дочери обращаются к ней со словами: укр. «Моя ж ти порадойко!», «А ви ж наша й порадниці, й робітниця!»; вопрошают: «Хто ж нам такой порядок в господарстві зробіт, як ви робили?»; вспоминают: «А ви ж мене добре радили»; сетуют, что теперь «ніхто мене вже так не порадиць, як ви». Ключевые слова *рада/радить* выступают как устойчивый атрибут матери и в белорусских плачах: «Ох, мая ж мамачка, да мая ж парадніца, да парай мне: дзе ж мне цяпер падзецца?» (ППГ 1986: 234, № 96); стереотипной формой обращений к умершей матери является выражение: «дарадчыца ты мая», «парадніца мая».

Высшей похвалой в адрес покойницы во время похорон и поминок были одобрительные слова соседок: «Добра була небіжка, дай ї Боже царство небесне, всьому знала порядок!» (Голосіння 2012: 587).

Мать-утешительница. Судя по многочисленным текстам восточнославянских причитаний, высоко востребованной функцией матери является ее умение сопереживать своим близким, утешить их, пожалеть, приласкать, приголубить. Этот мотив находит отражение как в «формулах недостачи» («Нема кому мене пожаліти»), либо в риторических вопросах («Хто ж мне так приголубе, як ти ж, мамочко?»), так и в воспоминаниях о прошлом: «Ти ж мене шкодувала», «Ты ж мене жалела, холіла, любіла», «Я свое горечко з тобой роздіяла» и т. п. Как большую отраду в своей прошлой жизни вспоминают дочери возможность поделиться с матерью насущными бедами и радостями: «Хто ж у мяне аб здароўі папытаець, хто ж пра маю худобаньку праведаець, хто ж пра майго няўдаліцу [т. е. про мужа] так распросіць, як ты, мая мамулічка, як ты, мая родная? Хто ж па майму гору так папачаліцца, хто ж маёй дабраце так урадуецца, як ты, мая матулічка?...» (ППГ 1986: 245, № 117).

Все эти мотивы («теперь нам некому приносить свое горе», «некому пожаловаться», «никто уже меня не утешит») являются общими

в восточнославянских плачах по матери; ср. рус. смолен. «А кому ж я тяперь звоё (sic!) горяшко расскажу? А кому ж я тяперь досадушку свою развею? На то ж ты была, моя мамонька. Ўсегда, ўсегда меня ўспокаиваешь...» (СМЭС 2003/2: 195). Эпитетом *жалостливая* 'способная пожалеть' часто наделяется умершая мать в севернорусской причети (Ефименкова 1980: 108, № 13; Барсов 1997/1: 66); аналогичным образом со словами *жаласніца мая* обращались дети к покойнице-матери в белорусских плачах (ППГ 1986, № 117). Для обозначения действия «болеть сердцем за кого-то, жалеть» в русских калужских причитаниях по матери используется выразительный глагол *соболёть*: «Кто об нас обдумает, и кому мы будем бóльны, и кто об нас так соболѣтся, как ты была, наша матушка <...> А теперь мы, горькие, никому не будем бóльны и никому не нужны» (Шейн 1900/2: 790, № 2530).

Именно с матерью связывалась потребность членов семьи излить душу, высказать обиды; ср. укр. гуцул. «Иик чоловік ме мньи бити, кому піду сі жьилити? Кому я се му казати? Хто за мнов ме сі вступити?» (Голосіння 2012: 557, № 896).

Желание приласкать к матери, разделить с ней и горе, и радость, найти в ней сочувствие выражается в словосочетаниях: белор. «не к кому мне прыгарнуцца (*прыхіліцца/прытуліцца*)»; рус. смолен.: «к кому же мне теперь прижаться-притулиться, приклонить головушку»; с.-рус. «мне бы под крылышко припасть до родной матушки».

К этой же группе позитивных характеристик матери примыкает и ее способность утешить ласковым словом, уговорить и найти нужные слова для близкого человека, но сама метафора «мать — это доброе слово», «это тайное словечко» занимает такое значительное место в наборе ее характеристик, что целесообразно рассмотреть этот мотив в отдельной рубрике.

Мать - собеседница. Наиболее ярко и многогранно образ матери-собеседницы представлен в украинской традиции, где умение поддерживать человека душевным разговором выражено разнообразными вербальными средствами. Например, это — р и т о р и ч е с к и е в о п р о с ы : «а хто ж мені слово добре скаже?», «та хто ж мені ласково словечко промове?», «хто буде мене выслухаты, с ким я буду слово розмовляти?», «та хто ж тепер зо мною словечком поділитися?», «до кого ж я, моя матинко, ходытьму, до кого й говорытьму?», «та кому ж я свое горе розказувать буду?», «хто ж так розпитає, та хто ж так розкаже, як рідна матіночка?»; у т в е р ж д е н и я : «А я ж зайду в хату, то є до кого заговорити, а ніхто ж мене не пожалує, не розпитає, як рідна матинка»; «Тепер я вже не маю, до кого забесідувати, ні ся з ким порадити»; м е т а ф о р и ч е с к и е ф о р м и о б р а щ е н и й к м а т е р и : «моя матинко, моя й розмовонько!», «моя матинко <...>, мое слово вирнее, мое слово

правдывее!», «мамочка моя <...>, словечко мое верное!» (Голосіння 2012). Аналогичным образом дочери обращались к умершей матери в белорусских причитаниях: «Слоўца ж мае лёгенькае, слоўца ж мае прыятенькае, матанька ружоная...» (ППГ 1986: 256, № 135). Доброе слово изображается в плачах как ценность, приравненная к материальным благам: его можно положить в сундук с дорогими реликвиями: «Мы ж с тобою, мая ненька, як побалакаем — так як у скрыню положым» (Голосіння 2012: 124, № 148). Как равнозначные блага, полученные от матери, расцениваются в белорусском причитании некие угощения и сказанные добрые слова: «Ты ж нам і грыбочкі, і ягадкі, і шчырыя слоўцы, а ўсё памагала» (ППГ 1986, № 259, № 140).

Потеря матери осмысливается в плачах как утрата главных ценностей, в том числе — «словечек верных, шчырых, ласковых»; ее называют: «Мая матанька родная, мая матанька верная, мая матанька цёпленьякая, якое слоўца лёгенькае, якое слоўца й прыятенькае» (Там же: 257, № 136).

Мотив «утешить ласковым словечком» в наборе позитивных качеств матери характерен и для русской плачевой традиции: «Без родимья мамушки, ой, да никто не пригреёт-то, ой, ласковым да словечком!» (Ефименкова 1980: 91); «[уже не скажет матушка] свои ласковы-преlestны словечушки» (Барсов 1997/1: 66); «Ой, кто ж мне типерь скажет словечка?» (СМЭС 2003/2: 252). В русских плачах в качестве обращений к матери используются стандартные номинативные конструкции типа: костром. «Думушка моя крепкая, словечушко тайное!» (Смирнов 1920: 77), или высказываются сожаления в виде «формулы недостачи», как в рус. тульском тексте: «Никто со мной думушку не подумает, тайное словечко никто не промолвит» (Шейн 1900: 791, № 2531).

По поводу этого устойчивого выражения *тайное словечушко* Л.Г. Невская высказала предположение, что оно является отголоском приобщения детей к «сокровенным знаниям социума» и выступает в севернорусской традиции в качестве неотделимого атрибута матери, поскольку в текстах плачей соотносится только с ней (Невская 1993: 102). Действительно, это выражение чаще всего используется в причитаниях по матери, но оно зафиксировано и в плачах по мужу: «не промолвит тайного словечушка со мной» (Смирнов 1920: 82), а также по сестре и по племяннице (Барсов 1997/1: 80, 140). Что же касается «сокровенного знания социума», якобы нашедшего отражение в этом словосочетании, то каких-либо конкретных данных в пользу этого предположения в текстах плачей нет. Думаю, что здесь речь идет скорее о каких-то личных, закрытых от чужаков, темах, обсуждаемых между близкими членами

1 Во всех примерах сохраняется орфография источника.

семьи; ср. с.-рус. плач по сестре: «Ты скажи *словцо тайное*, что и тайное да непроносное про твое ли *сокровенно про жаланыице*» (Там же: 305), или причитание по дочери: «...Нету в живности дочери-голубушки: думщица она была да собеседница, была *тайная моя да разговорчица*» (курсив мой — Л.В.) (Шейн 1900: 787, № 2522). Обращаясь к умершему мужу со словами: «моя тайна», вдова тоже, по-видимому, имела в виду «уединенные разговоры»; ср. в украинском плаче: «Мій хазяїну, мій голубе, мій хазяїну, й моя тайна, мій хазяїну, й моя правда вся!» (Голосіння 2012: 191, № 271).

Еще один тип специфических формул с трудно уловимым значением, которые связаны со словом «правда», фиксируется в украинско-белорусских причитаниях. Они могут выступать в составе выражений: «кому я всю свою правду скажу?», «хто ж мені тепер шчырую правдойку скаже?», т. е. могут рассматриваться как продолжение мотива «мать-собеседница». Однако многообразные контексты употребления в причитаниях лексемы *правда* («у кого правдочки пытати», «кому правдочку носити», «не буде у мене правди лучче від тебе» и др.) позволяют говорить о более многозначных смыслах этих выражений. Рассмотрим их бытование в репертуаре плачей, адресованных матери.

«Моя мамочка — моя правдочка». Судя по украинским данным, слово «правда» как характеристика родственника лишь в единичных случаях применимо к мужу, отцу, дочери, сыну, брату и внуку, но в большинстве случаев оно используется в плачах по матери. Из 50-ти украинских текстов с мотивом «близкий родственник — это правда всей моей жизни» более тридцати соотносятся с образом матери, например: «Да моя й матинко, моя й правдонько!» (Голосіння 2012: 85, № 71); «Моя ненько, моя ж ридненько! Моя зузуленька сывесенька, моя правдонька вирнесенька!» (Там же: 123, № 146); «Мамко моя, правдочко моя! Ми вже від нікого не будем мати правди» (Там же: 560, № 904). Самым типичным примером такого словоупотребления являются выражения со значением ‘говорить/сказать правду’ либо ‘правду искать, правду носить’: «Хто нас буде научати, хто нам буде правду казатоньки?» (Там же: 491, № 796); «Кому я буду шіру правду казати?» (Там же: 352, № 560); «До кого ж я, моя матинко, буду хылыгыся и в кого я буду, моя матинко, правды пытати?» (Там же: 79, № 60). Под «правдой» здесь, по-видимому, можно подразумевать какие-то значительные, откровенные разговоры, обмен некими потаенными семейными сведениями; мать называют: «Мое слово вирнее, мое слово правдынее» (Там же: 137, № 174).

Значительно реже этот мотив встречается в белорусских причитаниях по матери: «Каму я такую праўдачку скажу, як роднай мамачке?» (ППГ 1986: 231, № 88) или по отцу: «З кім мне цяпер парадзіцца і ў каго праўдачку папытацца?» (Там же: 200, № 16).

Труднее определить смысл выражений, оформленных как обращения к матери или к отцу: «Моя матинко, моя правдонько!», «Моя правдонька дороженька!», «Моя матинко, моя й жалобо, моя покровонько, моя й правдонько!»; «Скажи мыні, моя правдойко, до кого мыні прыхылытыся?». Здесь, по-видимому, восстанавливается семантика, соотносимая с понятиями высшей ценности, подлинной родственной близости, открытости в отношениях с родным человеком; ср., например: «Мени сестрыця — не матинка, а братик — не батенька, вин мене не порадить, вин мені правды не скаже» (Голосіння 2012: 79, № 60). Как замену словосочетания «самый близкий человек» можно понимать фразу из плача по отцу: «Нащо ты тих диток посыротив? У их же нема ни хаточки, нема ни правдочки!» [т. е. нет отца] (Там же: 91, № 83).

Наконец, еще один вариант употребления слова «правда» может быть отмечен в группе украинских полтавских плачей. В них изображается опустевший после смерти матери и ставший чужим дом, о котором говорят: вроде это та же самая хата, но в хате уже не та «правда»; это, вроде, та же самая крыша, но под ней уже не та радость; та же печь, но не та же речь; те же пороги, но уже не те разговоры (см. подробнее в рубрике «Родня своя — родня чужая»).

Мать-защитница. В отличие от главы дома, который восхваляется как защитник всех членов своей семьи, мать характеризуется в плачах как надежная защита прежде всего детей. Ее называют: с.-рус. «великая заступушка», «заботница-заступница», «застоя моя крепкая»; без родной матушки «нет от буйных ветров застенница, от частых дождей укытыца, от лихих людей оборонушки» (Смирнов 1920: 120). Материнская защита сравнивается с каменной стеной: «Ты стояла ведь, мамушка, ой, за меня, за горющицю, ой, стеной горокаменной! Ой, не давала ты, мамушка, ой, на меня, на горющицю, ой, ветру буйному дунути» (Ефименкова 1980: 108). После смерти матери неоткуда ждать «ні абароны, ні жаласці» (ППГ 1986: 262, № 145); «не будзе каму за нас заступница» (Там же: 275, № 165); «хто ж мяне будзе павучаці, і хто ж будзе зашчышчаці» (Там же: 226, № 75). В украинских плачах ее называют «моя матінко, моя й защита!», либо, как и Богородицу, «моя заступныця, моя покровонько» (Голосіння 2012: 137, № 174).

В карпагоукраинских и полтавских текстах защитная функция матери представлена метафорой «крепкого замка»: «мать для своих детей — это и замок, и сторож, и защита». Оплакивая смерть матери, дочери сетовали: «А хто ж нас стерегти буде? А треба ж нам великого замка. А ви ж нам були і замок, і сторож, і радниця, й порадиция...» (Голосіння 2012: 690, № 1131); «ви для нас були й замок, і охорона, й оборона» (Там же: 692, № 1133). В белорусских плачах тоже иногда используется этот образ, символизирующий надежность материнской

защиты: «Мамачка ж мая, родная мая, верны ты мой замочык!» (ППГ 1986: 263, № 147).

Как можно заметить, в причитаниях детей по матери (а также по отцу) весьма существенные позиции занимают оценочные характеристики: прославление позитивных качеств родителей, перечисление множественных их достоинств, хвалебные характеристики. Это связано не только с осознанием утраты былого родительского покровительства и защиты, но и с тем, что обычай требовал отдать надлежащие почести прежде всего умершим родителям, которые становились предками-опекунами. Иначе обстоит дело с плачами матери по детям — и маленьким, и взрослым. В этих текстах преобладают эмоции отчаяния, горя, тоски; доминируют мотивы сожалений о преждевременной кончине молодых людей; смерть незамужних дочерей описывается как символическая «свадьба»; звучат призывы посещать родных в поминальные дни; высказывается тревога о том, встретит ли их кто-нибудь из ранее умерших родственников на том свете и позаботится ли о детях и т. п. А прославление качеств хорошей дочери и хорошего сына оказывается в этих текстах лишь на втором плане.

Хорошая дочь

Для севернорусских плачей по дочери в гораздо большей степени (по сравнению с украинско-белорусской традицией) присуща величальная стилистика. В них описание красоты и пышных нарядов дочери напоминает свадебные величания невесты: «...Я заглажу ейны русьи волосушки, уберу да я завивну ейну косыньку на дороги золотыи эти ленточки. По русой косы кладу цветы алыи. Я накинута тут соболью эту шубоньку» и т. п. (Барсов 1997/1: 105). Такие же возвышенные поэтические величания используются в формулах традиционных обращений к умершей: «сердечно мило дитятко, косата моя ластушка», «моя белая лебедушка», «сугрѣва моя тёплая», «налимная моя ягодка». Вместо описания достоинств хорошей дочери в севернорусских плачах воссоздается картина сказочного благополучия ее прежней жизни в родительском доме: «Как пчела в меду, добротинка, купалася, как скачѣн жемчуг по блюду рассыпалася <...> Говорили вси советны милы подружки: “Счастливая ты девушка, талантливая, цветным ты платьем изнаवेशена, тяжелой ты работой не огружена, бранным ты словечком не огрублена”» (Там же: 106). В качестве похвалы трудолюбию умершей изредка упоминаются в этих текстах ее домашние занятия: за столом она была «любимая стряпеюшка», за ткацким станком — «дорогая была ткиюшка», «вышивала всяки разны полотенечка» и т. п. (Там же). К числу достоинств дочери относились и те прижизненные почести, которые воздавались ей по заслугам «родовитой родней»: гостью усаживали на почетное место «во большом углу» (Там же: 107).

Принципиально отличаются от подобных плачей-величаний украинские и белорусские причитания по дочери, где преобладают прежде всего мотивы ее похвального трудолюбия. Они представлены длинными рядами перечислений многообразных хозяйственных занятий дочери, главные из которых прямо упоминаются в текстах оплакиваний: шитье, прядение, тканье, стирка белья, уборка в доме, мытье посуды, хождение за водой и за дровами, побелка хаты, дойка коров, выпас скота и др. В горестных воспоминаниях матери дочь-помощница все лето «дзялку абрабляла», каждое утро «пасцель присцілала», во время жатвы «снапочкі насіла», во всем матери помогала (ППГ 1986: 356–384). Такой же внушительный список повседневных домашних дел зафиксирован и в украинских плачах по дочери; мать называет ее: «Моя й дочечко, моя й квиточко!», «Моя й швачечко, моя й прясечко!», «Моя помитушко, моя помазушко!», «Моя послужейко, моя пастушейко!», «Моя швачко, моя прачко! Моя искальнице, моя вымитальнице, моя помишныце!» (Голосіння 2012). Слово *искальница* становится понятным в контексте других вариантов плачей по дочери: «Хто ж мени буде прать, хто ж мени буде головоньку ськати?» (Там же: 103, № 111); «Ти ж, бувало, міні і водиці принесеш, і сорочки поперец, та ти ж і в ниділоньку пироги пикти міні помагала, і в голівонці вошичок шукала» (Там же: 148–149, № 195). Такой интимный вид услуг (вычесывание вшей) доверялся лишь самым близким родственницам. Сожаления о потере любимой дочери и безотказной помощницы часто выражаются в форме традиционных риторических вопросов: укр. «хто ж тепер нам буде воду носити, хату топить?», «хто ж тепер буде на ополонку ходити и биллячко мыть?», «хто мені хатку замете, хто до стаєнці піде коровиці подоїт?», «хто ж мені буде хату выметати?» и ряд др.

Среди украинских обращений к дочери встречается такой вариант, как «моя правдочка»: «Ти моя донечко, моя і правда дорога!» (Там же: 159, № 216); «Моя донечка, моя й правдочко, моя донечка, моя й вышенька!» (Там же: 100, № 104), — что характерно лишь по отношению к близким родственникам. Кроме того, ее позитивные характеристики сохраняются в экспрессивных восклицаниях типа: «Донечко, моя любя, золота! Потішейко моя, розрадойко моя! Йой донцю ти моя, робітничко моя!»; «Ти ж моя кохальничко, ти ж моя прибиральничко!», «Дочечко ж моя, голубонько, золото моє чирвоне!» и др.

Как в плачах по сыну, так и в причитаниях по дочери высказываются надежды на то, что она заменит со временем мать на тяжелых работах и «приглядит» родителей в старости: к ней обращаются со словами «моя донечко, та моя переміночко!», «хто ж мене, стару, утишать буде, хто мене догляне, поховає?» (Там же: 60, № 27).

Высоко оценивалось в дочери умение пожалеть мать, поговорить и утешить ее, «доброе словечко» сказать. Кроме того, подтверждением до-

стоинств хорошей дочери считалось расположение к ней родственников и односельчан, которые ее любили и уважали (ППГ 1986: 378, № 380).

Но в целом эту группу причитаний отличает в содержательном плане стремление матери не столько представить позитивный образ дочери, сколько выразить всю силу своей любви и горестных чувств утраты. Эти чувства ярко отражаются в эмоциональных формулах обращений к умершей: «А мая ж ты дачушачка, а мая ж ты залатушачка!», «Ах, мая ж ты квятэчка, мая ж ты пташечка!», «Дзіцятка ж ты маё родненькае, пташачка ж мая ненаглядная!», «Соўненько ж ты маё красное!», «Ягдка мая недазрэлая!», «А бяроза мая кудравая!» и т. п. (ППГ 1986: 356–384).

Хорошая сестра

Роль сестры в причитаниях существенно менее значима, чем роль брата. Незамужние сестры оплакиваются как все преждевременно умершие люди, по которым справляют символическую «невеселую свадьбу»: в причитаниях умершую спрашивают, зачем она пошла под венец в такую дальнюю дорожку. А в плачах по замужним сестрам постоянно звучит вопрос о ее осиротевших детях, т. е. она оплакивается как мать: белор. «Каму ж ты запаведала тваіх дзетухнаў глядзець?», «Каму ж ты дзіцятка сваё кінула?», «Хто іх будзец да розуму давадзіць?» (Там же: 399, 400, 401). Только в ситуации, когда умершую оплакивает ее младшая сестра, актуализируются мотивы похвальных качеств заботливой родственницы, которая нянчила свою сестрицу, умывала и обшивала ее, заботилась о ней. К ней (как и ко всем умершим старшим членам семьи) обращаются с вопросом: «З кім жа я буду саветавацца, з кім я буду радзіцца?» (Там же: 398, № 407). Такие же отношения младшего члена семьи к старшему раскрываются в украинских плачах по сестре. Плакальщица вспоминает: «Ти ж мене й змаличку любила, та ти ж мене ни раз на руках носила. Та ти ж мене скіло літ доглядала і од всячини обірігала. Та ти ж мене прясти і шити учила, і снопи вязати» (Голосіння 2012: 151–152, № 200). Высшей похвалой в адрес умершей сестры считалось уверение, что она была для младшей «настоящей матерью»: «Да не с ким так не порадишся, як з рідною сестрою. Ти ж мені була рідненька сестриця і матінка, ти ж мені порадоньку давала і навчала мене» (Там же: 229–230, № 344). Определенные признаки величальной поэтики отмечаются в текстах, где умершая описывается как красивая, веселая, умеющая по-доброму пошутить, как хорошая певунья и т. п. (Там же: 282, № 422; 656, № 1097). Высоко ценным качеством сестры считается в плачах способность поговорить по душам с братом или с другой сестрой (*правду казати*), утешить их, развеселить. Сожаления о том, что с утратой сестры плакальщице не с кем поговорить, некому пожаловаться, не с кем посоветоваться, — это один из типичных мотивов для причитаний рассматриваемой группы.

В пространных лиро-эпических севернорусских плачах по сестре изображаются по преимуществу сцены снаряжения умершей в дальнюю дорогу, высказываются сожаления, что «на убыль пошла семейшкa», воспроизводятся сцены былой жизни сестры: «Как поутрышку ты-то раньм вставала, чисто-начисто избу ты припахала, хлеба пышные сама ты испекала, резвы ноженьки свои приутомляла!»; прославляется ее заботливость по отношению ко всем членам семьи: «Ты во доми-то была солнышком, во двори-то ты была да вот работничком, малым детушкам была заступница, добрым молодцам была радельница, а семейшке была заботница» (Барсов 1997/1: 301–302). И как обычно это бывает в поэтике причитаний, любовное отношение к умершей отражается в экспрессивных формулах обращений к ней: «ты сестриченька, голубонька сердешная», «желанная сестрица», «любимая сестричушка», «любимая лапушка», «моё словцо тайное», «надёжная головушка» и т. п.

Другие родственники

Труднее выявить признаки, характеризующие прочих «хороших родственников», так как причитания по ним зафиксированы у восточных славян в единичных вариантах и, кроме того, требование оплакивать более дальнюю родню не было столь же обязательным, как это наблюдалось по отношению к членам своей семьи. Судя по избранному нами для анализа кругу текстов, в репертуаре русских плачей чаще встречаются причитания по дяде, иногда по племянникам и крестникам. Для украинско-белорусской традиции более характерны плачи по тетке, бабушке и дедушке, изредка по свекрови или крестной матери. Но похоже, что эти персональные предпочтения в ритуале оплакивания определялись не столько установленным обычаем, сколько той ролью, какую умерший человек реально играл в судьбе плакальщицы. Например, если родственникам приходилось растить детей-сирот, а те в дальнейшем принимали участие в похоронах своих опекунов, то плачи часто строились на основе типовых мотивов, известных в репертуаре причитаний по матери или отцу; ср. белорусский плач по тетке-крестной: «Ох, наша цётанька, наша хрышчоная, ты у нас була не за цётку, да за мацяру. Да мы ж да цябе прахадзілі за саветам і за парадаю...» (ППГ 1986: 416, № 448). Соответственно при оплакивании золовки ее характеризовали как свою родную сестру или мать, что служило похвалой в адрес умершей: «Ох, мая завіца, ох, мая сястрыца, ох, мая парадніца. Ты ж мне була за сястру, ты ж мне була за мацэру. Ты ж мая саветніца, ты ж мая прыветніца, ты ж мая памочніца, ты ж маіх дзетак гадала...» (Там же: 427, № 469). Позитивные характеристики родственника в этих случаях строились как повторение текстовых стереотипов, характеризующих «хорошую мать», «хорошую сестру» и т. п. По отношению к заботливой свекрови невестка использовала тот же самый

арсенал поэтических средств, который традиционно соотносится в местной традиции с образом матери: «У меня ж родный мамухны не було, — ты ж мною пячалілась і харошымі дзяламі ты ўсё мяне настаўляла <...> Надзёждушка мая верная, надзёждушка любімая!» (Там же: 424, № 463).

Этот же принцип организации текстов, когда дальний родственник именуется терминами ближнего родства, характерен и для украинских причитаний. Например, описывая достоинства умершей кумы, ее называли «сестрой» и затем перечисляли ее положительные свойства: «ти ж була несварлива, не осудлива, не брехлива, а ти ж була терпелива...» (Голосіння 2012: 691, № 1132); а тетку хвалили за то, что она заменила детям их родную мать: «Ви нам маму заступили... А ви ж до нас добрі були, а ви ж нас милували й жалували. А хто ж нас тепер помилує й пожалує, хто нас навчить, хто нам слово скаже?» (Там же: 677, № 1117). В плачах по свёкру использовались стереотипы величаний, посвященных отцу или взрослому сыну: «Мій свекорку, мій дорогесенький, моя й перемено дорога, моя й зашто дорога! Та ви ж мене захищали, та ви ж мене переменяли. Та хто ж мене тепер захищатиме, та хто ж мене переменятиме, та хто ж мені правдочку казатиме?» (Там же: 275, № 410).

Только в плачах по родным дедушкам и бабушкам могут быть отмечены некоторые специфические мотивы, характерные именно для этих персонажей. Прежде всего речь идет о мотивах, в которых восхваляются усилия стариков выполнять посильную для них работу по дому. Так, в белорусских текстах упоминаются следующие хозяйственные занятия деда: «ты ж нам лапцікі плёў і баронкі збіваў», «хто ж нам цяпер гарошак перевее, цяпелца дагляне ў гумне?», «хто мяцёлачку звяже, грабелькі зробіць?», «хто аборачкі саўе?» (ППГ 1986: 408–409). Еще разнообразнее выглядят в плачах традиционные домашние дела и заботы бабушек: «ты ж нас абмывала, да ты ж нас абцірала, да ты нас усякаму парадку навучыла», «ты нас калыхала і гадала», «ночы не спала, нас доглядала», «ты ж нам песні спявала», «прыказкі нам усякія казала», «тваі ручанькі нас насілі, твае ножанькі нас калыхалі», «да каго ж мы прытулімся, да каго мы прыхілімся?» (Там же: 410–411).

Часто в плачах взрослых дочерей по матери характеризовалась ее функция заботливой бабушки; например, белор. «...Вось твэй унучко стаіць дэ й плача <...> Да хто ж яго маленькага пашкадуе, хто яго прыгалубіць, хто ж яму гасцінца дасць да й казачку раскажа?» (Там же: 261, № 143). Точно так же взрослая внучка, оплакивая свою бабушку, могла похвалить ее как заботливую няньку для своих детей, т. е. в таких плачах характеризуется хорошая прабабушка: «Бабка мая, зязюлька мая! Хоць бы ты ў запечку пасядзела, дзіцяtkі майго паглядзела. Хоць бы ты яго панянчыла. Хоць бы ты яго пакалыхала <...> Няма маёй бабачкі, некаму мне скацінку загнаць, некаму мне дзіцяtkі пакалыхаць» (Там же: 411, № 438).

Столь же подробно описываются высоко ценимые хлопоты стариков, помогающих детям и внукам по хозяйству, в украинских причитаниях. Бабушку называют «трудівнице наша!», вспоминают, как она весь день «товчеться на хатній роботі», «ще й ланку полола, нам приклад показувала», [летом мы на жнивах, а ты] «всьому хазяйству порядок давала», «вовну пряла, рядна ткала», «в горді порядок давала, і полотно білила, і за діточками ходила», «ти ж, бувало, й масличко сколотиш, і сирок одвариш, і діткам молочка спариш»; «хто ж тепер буде нам куряток глядіти та курочок шупати?», «хто нам буде їсти варити?», «хто нас буде на ум наставляти, та хто нам тепер буде порядок давати?» (Голосіння 2012: 152, № 201 и др.). Перечисляя достоинства умершей матери, дочь вспоминала о ее бесценной помощи в уходе за внуками, которых она «ничку не спала, доглядаючи», «в пазусі молоко гріла», «поїла, годувала» и т. п.

Сам по себе прием восхваления родственника по его вкладу в общую трудовую деятельность семьи является универсальным для всего жанра причитаний в целом, но та степень подробностей, которая отмечается в перечнях конкретных занятий каждого члена семьи, помогает раскрыть индивидуальные позитивные качества конкретных персонажей плачей.

Тот факт, что способ именованья дальних родственников посредством терминов ближнего родства воспринимался как по х в а л а у м е р ш е м у («тетка была мне, как мать родная», «золовка была мне сестрой» и т. п.), позволяет обнаружить в текстах причитаний определенные признаки противопоставления: свои, кровные родственники и — чужие, дальние.

Родня своя — родня чужая

При перечислении достоинств того или иного родственника подразумевается (выносится за скобки) его главный позитивный признак — принадлежность к категории «своих», т. е. к кругу близких членов семьи. Но иногда он формулируется в явной форме, когда в плачах противопоставляются мать и мачеха, отец и отчим, кровная родня и свояки или крестные. Поскольку событие смерти нарушает прежнюю структуру родства, в плачах актуализируются мотивы сиротства детей, вынужденных жить с мачехой или в чужих семьях. В таких условиях резко повышается оценка всего того, что связано с родными людьми и родительским домом: мать описывается как средоточие лучших качеств, а мачеха — как прямая их противоположность. В одном из севернорусских причитаний тетки по племяннице рисуется мрачная картина будущей жизни детей-сирот: «Сурово стане ведь мачиха похаживать, она грубо стане на дитя поглядывать, все неласково она да разговаривать. Не зачешет она

буйной головушки, не возьмет его на белы к себе рученьки, не прижмет его ко ретивому сердечушку. Она дитятко в утробе не носила, трудно-тяжело его не породила, белой грудью дитё да не кормила...» (Барсов 1997/1: 83). Если убрать здесь все отрицания, то легко восстанавливается образ родной любящей матери.

Аналогичным способом характеризуется в белорусском плаче «чужая маці», о которой говорится, что она не будет чужих детей «да разуму давадзіць», а будет лишь «з толку збіваць»; что она плохо их на работу снаряжает и неласково с работы ожидает (ППГ 1986: 228, № 79); что «чужья маткі не жаласлівы і не міласцівы» (Там же: 228, № 79). Так же ведет себя «чужой батюшка» по отношению к не своим детям (Там же: 417, № 450). Даже о тех сиротах, которые после смерти матери были приняты в семье родной сестры, говорилось, что они чувствуют себя там чужими: «У сястры, ты сама знаеш, свая сямейка <...> мне здаецца, што я ў іх лішняя, і я іх не сем'янін» (Там же: 234, № 96). Красной нитью в этих плачах проходит мысль о том, что «трудненько у чужой хаце жыці, у чужой матулькі быці» (Там же: 246, № 118).

В свое время Л.Г. Невская уже обратила внимание на то, что мать в причитаниях образует с домом (как родовым гнездом) такую неразрывную связь, что осиротевший ребенок лишается после ее смерти не только родного человека, но и родного дома (Невская 1993: 74, 105). Действительно, одной из устойчивых характеристик хорошей матери в восточнославянских плачах является описание благополучного — светлого, теплого, хлебосольного, защищенного — дома, который утрачивает свои положительные свойства со смертью хозяйки: дом становится темным, холодным, пустым и чужим. В севернорусских текстах знаковыми атрибутами дома, покинутого матерью, становятся такие негативные характеристики, как: *бедный, улылый, пустылый, пустёшенький, глухой, немой, горький, холодный, безсчастный* (Там же: 75). А в украинских плачах смена парадигмы «был дом свой — стал чужим» определяется не столько внешними признаками жилища, сколько существенными изменениями всей атмосферы домашней жизни, представленными в выражениях типа: «вроде та же хата, но не та в ней правда». Так, вернувшись в свой дом после похорон матери, дочь причитает: «...Прыхылюся я до холодной стины, то вона мене не нагріє, прыхылюся я до чужой матери, то вона мене не пожаліє. Та и ти сини [т. е. те же сени], и та хата, так у хати не та правда; та и та хата, и та стриха [т. е. крыша], та у хати не та утиха» (Голосіння 2012: 74, № 51). В других вариантах подобных плачей в числе утраченных со смертью матери ценностей, кроме «правды» и «радости», упоминаются сердечные домашние «разговоры»: «Хто ж мене буде зостричаты? Шо пиду в хату, та ж хата — та не та правда, та ти ж пороги — та не тыи розговоры, та в хати й та й пич — та не та рич!» (Там же: 119, № 139).

В этих текстах выражается в косвенном виде позитивная оценка своей близкой родни и негативная — чужой, дальней. Мотивы «недостачи близких людей» и «одинокства среди чужих» являются одними из наиболее частотных в репертуаре причитаний; ср. с.-рус.: «...Уж я бедная да безродная. Да еще нет-то у меня сродников — да хоть была бы родима тетушка» (Смирнов 1920: 92); рус. смолен.: «Кинули мене безуродную, одинокую, и живу я кругом чужих людюшек... Никого же ў мене нету рѳдного» (Разумовская 1984: 163); «Не к кому ж мне пришатнуться, не к кому й прихоронуться! Ой-я, потеряла я ж усих своих рѳдных, усих своих кровных» (Там же: 172). Определение *кровные* по отношению к родственникам служит для распознавания своих, близких по сравнению с дальними и чужими. В севернорусских причитаниях со словами «моя кровная» обращались обычно к матери: «Ты скажи-ка, моя кровная, хоть со мной одно словечушко <...>, что осталась да горемышная без тебя, моя родельшица, что родельшица, кровна мамонька» (Смирнов 1920: 67). А для белорусских и украинских текстов характерны сетования на то, что, живя среди «чужой чужыны», некому «шчырай правды рассказать».

Заключение

Предпринятый анализ мотивов восточнославянских причитаний, в которых отразились представления о позитивных качествах образцового семьянина, позволяет приблизиться к пониманию общей системы традиционных семейных ценностей, которая строится на основе своей особой картины мира и оперирует специфическим языком описания. Тот факт, что объектами оценки в плачах являются умершие родственники, которые переходят в группу почитаемых предков-опекунов, объясняет преобладание в приемах восхваления умершего гиперболизированных форм, идеализированных характеристик и особой экспрессивной лексики. Именно эти признаки жанра причитаний и позволяют реконструировать представления об идеальных отношениях в семье и о лучших качествах каждого из родственников. Соответственно для исследователей народной культуры появляется еще одна возможность определить аксиологическую значимость тех символов, понятий, образных метафор, фольклорных мотивов, которые задействованы в поэтике похоронной причети. Например, называя умершего «моя правда вся», «мое словечко тайное», «моя порадойка» и т. п., плакальщица воссоздает образ идеального с ее точки зрения семейного мира. Если учитывать общеславянский фон употребления слова *правда*, то становится очевидным, что использование его по отношению к матери или отцу имеет признаки особого возвеличивания родственника или даже его обожествления; ср. рус. пословицы: «Правда светлее солнца», «Правда дороже золота», «Правда живет у Бога» и т. п. (Даль 1984: 149). Вы-

ражение «жить по правде» означает в народной культуре ‘быть праведным, честным, безгрешным’ (Даль 2004/3: 306–308). По заключению лингвистов, исконная юридическая семантика слова *правда* в древнерусской книжности восходит к понятию ‘закон, установление’, а общеславянское значение этого слова в его этическом измерении означает ‘справедливость’ (Толстая 2016: 377–389). Однако в украинских плачах слово *правда* как характеристика человека приобретает особый смысл: оно применяется только к самым близким членам семьи, к истинно «своим», к сородичам, которые связаны законными узами родства; ср. обращение к умершему мужу: «Мій хозяине, моя й пара дорога, моя й правда дорога!» (Голосіння 2012: 89, № 78).

Хотя за каждой (мужской и женской) группой родственников, судя по текстам причитаний, закреплен более или менее различающийся круг характеристик, однако универсальным и наиболее высоко ценимым качеством в наборе признаков всех субъектов родственных связей оказывается трудолюбие и работоспособность. В структуре текстов оно оформляется то в виде формул, описывающих былые трудовые будни персонажа оплакивания, то в виде риторических вопросов «кто теперь будет делать дело?». В свое время Е.В. Барсов, восторгаясь высоким поэтическим складом севернорусских плачей, писал (не без некоторой доли сожаления), что крестьяне выражают свою скорбь слишком приземленно: они «оплакивают в умершем прежде всего потерю рабочей силы, без которой так бедственно положение оставшейся семьи» (Барсов 1997/1: 16). Имелась в виду высокая частотность в плачах мотива «кто будет выполнять работу умершего?». Приоритет в оценке членов семьи по их отношению к труду кажется естественным в крестьянском сообществе, где условия самой жизни выдвигают на первый план хозяйственные заботы как самые насущные. Но обращает на себя внимание тот любопытный факт, что и в жанре современных семейных меморатов (биографических нарративов), по подсчетам И.А. Разумовой, 90% всех текстов содержат указание на трудолюбие и работоспособность как на одно из главных позитивных качеств родственников (Разумова 2001: 234–235).

Самым подробным образом представлена в причитаниях традиция внутрисемейного разделения труда между членами семьи в соответствии с их полом и возрастом. В качестве величальных характеристик сына или дочери часто используются такие их субстантивные эпитеты, как: укр. «Мій сыночку, мій косарычку, мій сыночку, мій молотнычку, мій сыночку, мій роботнычку!» или: «Моя й швачечко, моя й прящечко!», «Моя помитушко, моя помазушко!». Среди многочисленных обязанностей хозяйки дома главным считалось приготовление еды и выпечка хлеба на всю семью. «Хазяйка нихай знать дамавоя, а асталъныя — палъвоя», — говорили смоленские крестьяне. Считалось, что главная ее за-

бота заключалась в том, чтобы все пошли на работу накормленными и вернулись бы к готовому столу (Добровольский 1894/2: 344).

Следующим по степени значимости выступает в причитаниях мотив «порядок держать», «к порядку приучать», общий смысл которого — ‘делать все по обычаю, по установленным правилам’. Он чаще всего соотносится с главой дома или со старшими родственниками и раскрывает озабоченность в сохранении после смерти хозяина/хозяйки устойчивости в привычном укладе жизни и в том, чтобы по-прежнему соблюдалось нормативное поведение членов семьи.

Явственные положительные коннотации приобретает в жанре причитаний мотив, отражающий ситуацию встреч и проводов тех членов семьи, которые отправлялись в путь (за пределы села, на работу, в гости, в дальние отъезды) и возвращались домой. Ритуализованные формы этого обычая (имеется в виду этикет принятых в семье прощаний и приветствий) способствовали укреплению чувства единства и защищенности каждого родственника. «Правильные» проводы обеспечивали, как считалось, благополучное возвращение уходящего. Умение матери «хорошо проводить на работу и хорошо встретить» часто противопоставляется в плачах деструктивным действиям мачехи.

Ведущие позиции занимает в причитаниях неизменно восхваляемый образ матери, оценка которой в украинско-белорусской традиции определяется словами: «моя матинко, моя правдонько!», «нема уже з нами нашої правди». Важнейшие понятия родного дома, кровных связей, заботы и защиты, соперничества ассоциируются в плачах с матерью. Она же осмысливается как связующая нить группового единства. Именно через нее осуществляется необходимая внутрисемейная вербальная коммуникация, в том числе та ее разновидность, которая называется «тайные словечушки». Трудно было ожидать, что для крестьянского общества, ориентированного преимущественно на хозяйственные ценности, столь значимым может быть сказанное близким человеком «ласковое слово», «тихая беседушка», «хорошие разговоры». Между тем этот мотив оказывается во всех восточнославянских плачах одним из наиболее частотных. Интересно, что он не упоминается в перечне основных признаков «типичной матери», характерных для польской языковой и фольклорной (на примере лирических песен) традиции; этот перечень включает такие характеристики, как: любящая, опекающая, заботливая, снисходительная, добрая, нежная, сердечная, любимая, теплая, преданная, перегруженная работой; а также: помогающая, защищающая, обучающая, советующая, управляющая домом, самоотверженная и т. п. (Бартминьский 2005: 201, 212).

К числу мужских позитивных качеств относятся в плачах лидерские функции в семье, правильная организация труда, умение «порядок

держать», «разуму учить», «на путь наставлять», приобщать детей к труду, защищать членов семьи, представлять их интересы при контактах с односельчанами. Главу семьи называют в русских причитаниях *надёжная семейюшка, кормилец-свет-батюшка, большак-настоятель наш, законная державушка* и т. п. При хорошем муже-хозяине жена занимала высокие позиции в социуме, а утратив его, становилась для всех «не славной», «не почётной», «не честной», «не похвальной», «не разумной» (Смирнов 1920: 114).

Более высокую оценку получает в причитаниях сравнительно узкий круг близких, кровных родственников по сравнению с дальними, чужими. Пребывание осиротевших детей среди «чужой чужины» прямо противопоставлено в текстах плачей жизни в идеальном домашнем мире среди *своих*. Выражения типа «ты была мне как мать», «ты был мне как отец» используются в плачах по дальним родственникам в качестве комплиментарных формул, что еще раз подчеркивает высокую значимость для людей традиционной культуры близких семейных связей.

Источники

Барсов 1997/1 — Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитанья.

Барсов 1997/2 — Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 2. Рекрутские причитанья. Свадебные причитанья.

Голосіння 2012 — Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012.

Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1.

Даль 2004 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М., 2004.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894. Ч. 2.

Ефименкова 1980 — *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980.

ППГ 1986 — Пахаванні, памінкі, галашэнні. Мінск, 1986.

Смирнов 1920 — *Смирнов В.И.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15. С. 20–126.

СМЭС 2003/2 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. М., 2003. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи.

Шейн 1990 — *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2.

Литература

Агапкина, Виноградова 1994 — *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.* Благопожелания: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 168–208.

Агапкина 1995 — *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н., Гура А.В.* Величание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 306–307.

Адоньева 2004 — *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Принципы лингвистического исследования стереотипов на примере стереотипа «мать» // Е. Бартминьский. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. М., 2005.

Ганцкая 1984 — *Ганцкая О.А.* Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16–28.

Кабакова 2009 — *Кабакова Г.И.* Семья // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 613–616.

Кабакова 2012 — *Кабакова Г.И.* Хозяин // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 449–450.

Микитенко 2010 — *Микитенко О.О.* Балканослов'янський текст похвального оплакування: прагматика, семантика, этнопоетика. Київ, 2010.

Милогорова 1991 — *Милогорова И.Н.* Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 93–100.

Невская 1993 — *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993.

ПКП 1970 — Пoesия крестьянских праздников. Л., 1970.

Разумова 2001 — *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Разумовская 1984 — *Разумовская Е.Н.* Плач с «кукушкой». Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 160–178.

Сысоў 1995 — *Сысоў У.М.* Беларуская пахавальная абраднасць. Структура абараду. Галашэнні. Функцыі слова і дзеяння. Мінск, 1995.

Толстая 2009 — *Толстая С.М.* Аксиология родства в свадебном фольклоре (русско-сербские сопоставления) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009.

Толстая 2015 — *Толстая С.М.* Заметки о языке севернорусских причитаний // С.М. Толстая. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 298–305.

Толстая 2016 — *Толстая С.М. Вера и правда: К истории понятий // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 377–389.*

Чистов 1982 — *Чистов К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101–114.*

Чистов 1997 — *Чистов К.В. «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым», в истории русской культуры // Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. С. 400–95.*